

КОММУНИКАТИВНЫЙ ДИЗАЙН ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В СУБКУЛЬТУРЕ ПРОТЕСТА

Александр Сарна

COMMUNICATIVE DESIGN OF THE URBAN ENVIRONMENT
IN THE PROTEST SUBCULTURE

© Aleksandr Sarna

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Department
of Social Communication, Belarusian State University
Kaŭvaryjskaja str. 9, Minsk, Belarus 220004

ORCID ID: 0000-0001-5701-7573

E-mail: alsar.08@gmail.com

Abstract: The article analyzes the communicative practices of citizens, carried out in the public space of Minsk and transforming the urban environment by working with small architectural forms and contributing to both the creative self-realization of local residents and the formation of local urban communities. Through the narrative and intertext analysis, communication strategies such as palimpsest and intertext are identified as contributing to self-organization, identification, nominalization, symbolization and mobilization of these communities. Based on the material of announcements, leaflets, posters and alternative press (in the format of telegram channels and printed materials), the role of communicative design tools as a means of marking the territory and interacting with various social actors is shown.

The use of these technologies contributes to the actualization of ideas about the historical past of urban places (such as the military town of Masyukovshchina in Minsk) in the memory of local residents, informing, enlightening and mobilizing them to form their local identity within the framework of narratives of memory and protest as an unofficial historical policy pursued by the civil activists regardless of the position and actions of the city authorities. The analysis of these cases and situations reveals the peculiarities of the implementation of the historical “policy of

memory” and the preservation of the historical heritage of the Great Patriotic War in the public space of Minsk, indicating the possibilities of more or less active public participation in resolving conflicts and interfering with the situation at the local level.

Key words: urban environment; communicative design; civic activism; urban communities; social protest.

1. Линии повествования: нарративы памяти и протеста

Устройство публичной сферы современного города предполагает возможность реализации представлений о справедливом общественном устройстве, правах и свободах человека, диалоге между различными социальными группами, которые выступают на социальной сцене как достаточно автономные и инициативные публики и контрпублики, стремящиеся к реализации своих целей и достижению собственных интересов. Столкновение и поляризация конкретных тактик и стратегий, которые исходят от данных социальных субъектов, приводит к возникновению гетерогенных политических практик, регуляция которых не всегда может осуществляться успешно с помощью имеющихся государственных институтов. В такой ситуации на сцену выходят общественные организации и гражданские инициативы, которые и стремятся достичь согласования столь разных, порой взаимоисключающих позиций (Публичная сфера: теория, методология, кейс стади, 2013).

В общественной сфере каждого города или региона можно выделить политических акторов, которые, не являясь представителями органов власти и не обладая их полномочиями, тем не менее оказывают заметное влияние на то, какие проблемы и как здесь решаются или замалчиваются. В первую очередь речь идет не столько о роли бизнеса, сколько о разных формах общественного участия, где на уровне организованных групп действуют негосударственные организации (НГО) и общественные движения разной степени институционализации. Российские исследователи Е. Белокурова и Д. Воробьев включают в них следующие объединения:

1. Традиционные общественные некоммерческие организации, способствующие реализации социальной политики на локальном уровне зачастую еще с советских времен (советы ветеранов, общества инвалидов, подростковые клубы и т. д.).

2. Экспертные негосударственные организации, как правило, возникшие в 1990-е годы, обладающие высоким уровнем профессионализации и имеющие богатый опыт социальной экспертизы.

Обычно они официально зарегистрированы и включены в республиканские и международные сети (правозащитные организации, экологические центры и др.).

3. Стихийные проблемно-ориентированные инициативы, возникающие при появлении угроз, значимых для населения в целом и/или для отдельных социальных групп. Как правило, это временные объединения граждан, которые вынуждены выступать в защиту своих прав, поскольку госструктуры в этом не заинтересованы (Белокурова, Воробьев, 2010).

В современных городах общественное участие иногда проявляется и в так называемой проблематизации, которая может сопутствовать любой стадии принятия решений и осуществляться не только через институциональные механизмы, но и через протестные действия (а в ряде случаев происходит и совмещение этих сценариев). Протесты состоят из организованных усилий и действий, основанных на категорических требованиях решения вопросов и проблем, которые были проигнорированы и отброшены, однако влияют на общественные настроения, принятие и исполнение законов для того, чтобы восстановить справедливость. На постсоветском пространстве типичными примерами такой проблематизации выступают массовые протесты, возникающие по поводу различных градостроительных и инвестиционных проектов. «Подавляющее большинство местных протестных инициатив выносит на повестку жилищные вопросы и проблемы охраны городской и природной среды. Речь идет о движениях против “уплотнительной застройки”, вырубки скверов и парков, выселения жителей из аварийного и ветхого жилого фонда, роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги или, наоборот, – в защиту прав обманутых дольщиков» (Белокурова, Воробьев, 2010).

В контексте проблематизации политических решений на местном уровне следует различать протесты спонтанно возникающих объединений местных жителей и коллективные действия официально зарегистрированных организаций, поскольку у них разные возможности и ресурсы для реализации своих намерений. Как правило, местные жители вовлекаются в конфликтное противостояние лишь в тех случаях, когда напрямую затрагиваются их интересы, и приобретают опыт политического участия непосредственно в ходе протестных действий. Они могут защищать свой двор от застройки, предлагая построить новое здание или опасное предприятие где-нибудь в другом месте, и выдвигают свои претензии в рамках тактики, получившей название NIMBY (not in my backyard – «только не в моем дворе»).

Такие ситуации показывают, что «локальные протестные инициативы, их возникновение и эволюция связаны не только с политическими возможностями, но и с внутренней логикой развития общественных движений. Протесты преимущественно возникают

там, где не работают механизмы общественного участия в выработке политического курса, из-за чего в рамках локальных режимов принимаются решения, ущемляющие права и интересы тех или иных социальных групп» (Белокурова, Воробьев, 2010). При этом важную роль внутренней организации в движениях протеста играют их лидеры, которые уже участвовали в подобных акциях или судебных разбирательствах и способны возглавить инициативную группу, опираясь на свой опыт. Они также могут стимулировать поддержку своих действий со стороны НГО и различных политиков, что может радикализировать или, напротив, смягчить развитие конфликта, привести к его разрешению в институциональных рамках.

Чтобы предотвратить развитие негативных сценариев и их радикализацию в локальных протестах, необходимо добиться смещения акцента в социальной политике на «инклюзивное» управление публичной сферой. Ориентиром может стать переход от управления к участию, когда государством при содействии населения должны реализовываться такие практики, которые стимулируют гражданскую инициативу «снизу» — партиципация, кооперация и коммуникация между стейкхолдерами. Однако ситуация осложняется тем, что возможность установления партнерских отношений между политико-административными элитами и негосударственными акторами затруднена ввиду слабости либерально-демократических традиций и институтов гражданского общества, отсутствия независимой правоохранительной и судебной системы, расширения бюрократического контроля и сужения сферы публичной политики. В итоге гражданская активность, особенно у молодежи, смещается «в плоскость более или менее приватной повседневной гражданственности и эмоционально окрашенного патриотизма. Повседневная гражданственность — это гражданственность малых дел. Имеется в виду, что [человек действует], во-первых, в контексте своей группы, которой он доверяет и которая разделяет его ценности и идеи, а во-вторых, исключительно в той мере, в которой он может что-то изменить. Государственная же политика воспринимается как нечто чуждое и далекое: то, в чем ему нет места, потому что нельзя ни на что повлиять» (Взятыешева, 2018).

Примером подобной формы гражданского активизма, проявляемого как «повседневная гражданственность», становится деятельность местных жителей, гражданских активистов и локальных сообществ в одном из микрорайонов Минска — военном городке Масюковщина. Их усилиями создаются собственные независимые СМИ (новые медиа в формате телеграм-каналов), а также печатные материалы, претендующие на роль тактических медиа (объявления, брошюры, листовки и проч.), где распространяются важные для района сведения о планируемых или происходящих

событиях, акциях, формах взаимодействия участников. Пожалуй, самым значимым из них является издание «Вестник Масюковщины» (печатная версия новостного канала в телеграмме (https://t.me/masyuki_news), которое начало выходить в свет с апреля 2020 г. В нем осуществляется регулярная публикация материалов, связанных с протестной активностью гражданского общества в Беларуси после президентских выборов 2020 г., а также с реконструкцией исторического наследия микрорайона и сохранением памяти о прошлом. Сквозными темами из номера в номер, структурообразующими для локального нарратива в плане производства контента, являются история военного городка Масюковщина и концлагеря Stalag 352, существовавшего на данной территории в годы Второй мировой войны. Так, уже в первом номере «Вестника» появилась рубрика «История Масюковщины», открыла которую небольшая заметка о том, что военная часть в Масюковщине начала строиться еще с 1930-х гг. и в итоге был создан военный городок на 50 гектаров с жилой, административно-хозяйственной, складской зонами, парковкой и полигоном. До 1939 г. городок занимала кавалерийская часть, а затем — 355-й стрелковый полк 100-й ордена Ленина стрелковой дивизии, успешно оборонявшей Минск в 1941 г., за что ей было присвоено наименование гвардейской (История Масюковщины, 2021a).

С началом оккупации на месте военного городка создается концлагерь для военнопленных, и так начинается печально известная страница истории Масюковщины, которой посвящена большая часть материалов, опубликованных на страницах «Вестника». Со второго номера рубрика «История Масюковщины» начинает освещать эту часть военной истории, когда появляется материал, приуроченный к 11 апреля — Международному дню освобождения узников фашистских концлагерей. В связи с этим авторы заметки отмечают, что изначально в Масюковщине размещался концлагерь Dulag 126 и лишь в августе-сентябре 1941 г. территория перешла к Stalag 352, который стал самым большим лагерем для военнопленных и имел 80 филиалов на оккупированных территориях Беларуси. Его основную часть составлял так называемый Лесной лагерь, который с июля 1941 по июль 1944 г. находился на территории военного городка около деревни Масюковщина вдоль железной дороги Минск — Молодечно (История Масюковщины, 2021б). В дальнейшем авторы материалов приоткрывали все больше подробностей об устройстве лагерной жизни. Так, в третьем материале рубрики указывалось, что в период с 1941 по 1942 г. в лагере находилось до 140 тысяч пленных, хотя территория городка была рассчитана всего на 6 тысяч человек. Зимой смертность достигла чудовищных масштабов — каждое утро из барачков выносили 100-150 трупов, которые сваливали в общую кучу. В дальнейших материалах рубрики рассказывалось об условиях

содержания военнопленных на территории концлагеря, когда голод, страшная скученность, антисанитарное состояние и жестокое обращение охраны приводили военнопленных к истощению и тяжким заболеваниям (История Масюковщины, 2021в).

Начиная с номера 9 «Вестника Масюковщины» в данной рубрике стали публиковаться материалы, посвященные описанию одного дня из жизни военнопленных лагеря Stalag 352. Историко-графической и фактологической основой построения нарратива памяти выступили материалы, собранные группой историков и «неравнодушных граждан», которые, по словам авторов, проделали большую работу над созданием проекта «Цветы для Сенькина» (<https://stalag352story.by/>). Они опирались на сведения, которые сохранились в лазарете лагеря — лазаретная книга с историями болезни позволила восстановить имена около 9 тысяч узников. Эти данные использовал историк С. П. Злобин в своей книге «Пропавшие без вести», где приводятся воспоминания Г. А. Воронова, бывшего узника Stalag. Немногие сведения можно было подчерпнуть из остатков надписей, сделанных прямо на балках казармы, которая, к сожалению, была снесена, а ее остатки вывезли на свалку — и лишь часть удалось сохранить стараниями поисковой группы. Тем самым вплоть до номера 21 на страницах «Вестника Масюковщины» продолжали публиковаться материалы о подробностях жизни военнопленных в концлагере, а в номере 23 проводились параллели с реальностью современной жизни в Беларуси, когда хроника текущих арестов и репрессий в отношении политзаключенных преподносилась под заголовком «Людей до сих пор продолжают пытаться» в сопровождении фотографии заключенных концлагеря за колючей проволокой (Людей до сих пор продолжают пытаться, 2021). Тем самым нарратив памяти на страницах издания включался в нарратив политического протеста за счет отождествления жертв фашистской оккупации с жертвами гражданского сопротивления в современной Беларуси.

Одной из важнейших тем, регулярно поднимаемой на страницах издания, является строительство на территории городка трассы в границах бывшей застройки лагеря для военнопленных. Впервые эта тема прозвучала в номере 6 за 9 мая 2020 г., в статье «Трасса у нас под окнами», где в сопровождении фрагмента карты городка представлены сведения о том, что «на территории бывшего военного городка собираются проложить четырехполосную дорогу. Работы по подготовке строительства уже начаты» (Трасса у нас под окнами, 2021а). Далее приводится ряд примеров того, что строительство планируют начать уже в ближайшее время и делается попытка прогноза, чем это может обернуться для жителей Масюковщины. Материал заканчивается призывом к совместному поиску решения данной проблемы и просьбой связаться с редакцией.

Эта же тема нашла свое продолжение в номере 9, где была опубликована заметка «Застройка Масюковщины: проходной двор». Здесь представлены свежие новости о планах властей по застройке территории, которые удалось получить инициативной группе жителей городка. Выяснилось, что по четырехполосной дороге (проектируемая улица № 1) планируется открыть движение троллейбусов и автобусов и соответствующую остановку транспорта, на углу территории бывшего концлагеря планируется построить большой торговый центр, а также проложить еще одну улицу вдоль ряда домов в глубине территории военного городка. Анонсируется и проведение общественного обсуждения по застройке участка в начале июня, по результатам которого план в соответствии с требованиями жителей может быть доработан и утвержден. В конце заметки авторы призывают быть внимательными и не пропустить момент объявления назначенной даты для общественного обсуждения (Застройка Масюковщины: проходной двор, 2021). Тему продолжили в номере 13 «Вестника Масюковщины», где опубликована заметка «Застройка Масюковщины», в которой сообщается, что двум проектируемым улицам в рамках микрорайона хотят дать названия в честь Владислава Голубка (проектируемой улице № 1) и Всеволода Игнатовского (улице № 3) как продолжение уже существующих улиц в данном районе города. Сообщается, что управление культуры Мингорисполкома принимает мнения жителей города по предложенным наименованиям в течение двух недель после публикации (Застройка Масюковщины, 2021).

В номере 20 данная тема снова появляется, причем в первоначальном варианте статьи под названием «Трасса у нас под окнами» и снова в сопровождении фрагмента карты того участка территории городка, где планируется застройка. На сей раз авторы материала сообщают, что администрация Фрунзенского района Минска известила о проведении общественного обсуждения отчета об оценке воздействия на окружающую среду (ОВОС) в сроки с 30.08.2021 по 28.09.2021, причем каждому следует персонально ознакомиться с отчетом о проведении данных работ. Активисты же предлагают инициировать общественное собрание по ознакомлению и обсуждению ОВОС, для чего следует проявить инициативу и направить электронное письмо с запросом на проведение собрания и экспертизы. «Вы можете написать заявление, подписать у своих соседей, отсканировать (сфотографировать) и отправить по электронной почте — это будет коллективное обращение. Благодаря нашей инициативе и настойчивости мы отстаивали наши права в 2017 году и план уплотнения городка был отменен. Давайте и сейчас не дадим уничтожить зеленые насаждения, провести скоростные дороги внутри микрорайона. Сейчас нам необходимо сплотиться. Нам нужны юристы, экологи, инженеры и заинтересованные судьбой района люди. Будем вместе!» (Трасса у нас под окнами, 2021б).

Кроме публикаций в «Вестнике Масюковщины», в военном городке расклеиваются плакаты, объявления и стикеры по периметру всего участка бывшей военной части на трубах теплотрассы, опоясывающей территорию практически в границах прежнего участка лагеря Stalag 352, на трансформаторных подстанциях рисуются муралы и граффити, проводятся акции по уборке территории. Все это свидетельствует о попытках мобилизации усилий местных жителей по сохранению мест памяти о прошлом и предотвращению застройки микрорайона. Так, накануне празднования 9 мая 2021 г. во многих общественных местах военного городка были расклеены следующие объявления: «Приглашаем всех желающих на общую уборку территории бывшего лагеря для военнопленных 9 мая Stalag 352. Встречаемся возле здания лазарета в 14:00. По возможности и желанию можно принести с собой средства для уборки». В конце августа 2021 г. на фонарях возле теплотрассы вокруг территории бывшей военной части и концлагеря Stalag 352 были наклеены два объявления следующего содержания: «Уважаемые отдыхающие! Любители природы! На этой территории умирали узники Великой Отечественной войны, защитники нашей Родины. Какую память от нас заслужили? Кучи мусора после вашего отдыха? Или живые цветы? Помните о тех, кто отдал жизнь за вашу свободу! Мы ведь люди...»

В середине сентября 2021 г. на многих досках объявлений возле подъездов жилых домов военного городка были расклеены следующие объявления: «ТРАССА У НАС ПОД ОКНАМИ. Не проходи мимо, прямо внутри городка планируют построить четырехполосную дорогу!!! Скоростная трасса в нашем районе, вырубка деревьев, уничтожение оставшихся зданий концлагеря Stalag 352... Не оставайся в стороне!!! Что делать? Пишем письма с просьбой провести общественное обсуждение по этому проекту. Что может быть проще?! Заключение о необходимости проведения общественных слушаний (собрания), а также заявление о намерении проведения общественной экологической экспертизы можно направить в администрацию Фрунзенского района г. Минска почтой по адресу: 220073, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Кальварийская, 39, тел./факс 39248113 или по электронной почте fr.priemnaya@minsk.gov.by в срок по 10.09.2021 включительно».

Далее рассмотрим примеры плакатов, расклеиваемых активистами на территории бывшего концлагеря Stalag 352 или непосредственно прилегающей к ней. Так, на стене бывшего лазарета в сентябре 2020 г. был наклеен плакат с цитатой из Евангелия «Няма нічога таемнага, што ня выйшла б на яву; і нічога няма схаванага, што ня выйшла б наверх (Эвангелле ад Марка 4:22)», где изображено кроваво-красное пятно, на котором четко прорисованы силуэты звонниц с крестами и колоколом на черном фоне с красной надписью Stalag 352. В этот же период на трансформаторной

подстанции поблизости были наклеены два схожих плаката с изображением белого черепа и перекрещенных костей («Веселый Рождер») на черном фоне с той цитатой из Евангелия от Марка на белорусском языке и надписью «Шталаг 352 (Stalag 352)». В нижней части плакатов указаны QR-коды для ссылок на соцсети «Фейсбук», «Одноклассники» и «ВКонтакте». Аналогично сделан другой плакат с тремя ссылками на те же соцсети (в сопровождении надписи «мы в соцсетях») и хештегом #сохраниммасюковщину. Здесь цитата из Священного Писания приведена уже на русском языке: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу (Мк 4:22)»

По схеме противопоставления двух образов на цветных фотографиях построена композиция других плакатов (наклеены на фонарных столбах и трубах теплотрассы, опоясывающих территорию бывшего концлагеря): в верхней части под названием «было» приводится фотография казармы для военнопленных, а в нижней («стало») — обломки этой казармы, оставшиеся после ее недавнего сноса. В центре плаката размещены надпись «Я помню, я горжусь?» в сопровождении хештега #сохраниммасюковщину и небольшой текст: «Историческое здание лагеря для военнопленных Stalag 352 было снесено осенью 2019 года. На обломках казармы были найдены балки с надписями, которые оставляли военнопленные. Большое количество таких балок было вывезено на свалку...»

По такой же схеме противопоставления на основе контраста выстроена композиция плаката, где представлен коллаж из двух рядов цветных фотографий, позволяющих сравнить положение с сохранением исторического наследия в Германии и в Беларуси. Так, в верхней части плаката изображены четыре фотографии с фрагментами заброшенных и разрушающихся зданий бывшего концлагеря в Масюковщине в сопровождении надписи «Тэрыторыя канцлагеру Stalag 352 (Шталаг 352) у Масюкоўшчыне (каля 80 000 ахвяраў)». Четыре фотографии восстановленных и реконструированных зданий в нижней части плаката подписаны «Музейны комплекс Buchenwald (Бухенвальд) у Нямецчыне (каля 56 000 ахвяраў)». Нижней строкой идет перечень хештегов #Stalag352, #сохраниммасюковщину, #зберажоммасюкоушчыну, #масюковщина, #беларусьпомнит, #беларусьнепомнит. Тем самым подчеркивается разительный контраст в исторической политике памяти, реализуемой в Германии и в Беларуси, когда у нас историческое наследие не представляет интереса для городских и республиканских властей и оказывается предано забвению, а усилия активистов не находят поддержки на официальном уровне.

Самым информационно насыщенным является плакат с черно-белыми фотографиями военнопленных на фоне здания лазарета и частью зданий бывшего концлагеря, сохранившихся на территории нынешнего военного городка Масюковщины. Фотографии

сопровождаются следующим текстом: «Концлагерь для военнопленных Stalag 352 был создан в конце августа 1941 года на месте бывшего военного городка около деревни Масюковщина. Его территория была обнесена несколькими рядами колючей проволоки, укрепленной на бетонных столбах высотой до 3 метров. Во избежание побегов по периметру проволочных заграждений были возведены сторожевые вышки и установлены прожектора. В него свозились пленные со многих участков советско-германского фронта: в 1941–1942 годах в лагере находилось до 130–140 тысяч пленных. Осенью 1943 года в лагере появились военнопленные итальянцы, которые оказались в плену после выхода Италии из союза с Германией. Всего в Stalag 352 погибло около 80 тысяч военнопленных. После освобождения Минска в Лесном лагере около Масюковщины советскими властями содержались немецкие военнопленные. На сегодня сохранившиеся здания времен Второй мировой войны в Масюковщине представляют собой самый большой концлагерный комплекс на всей территории Республики Беларусь. Сохранились 6 зданий, которые относились непосредственно к лагерю: 1. Дом офицерского состава (сейчас жилой дом, Лынькова, 71). 2. Баня (сейчас административное здание Лынькова, 86, к. 6). 3. Лазарет (сейчас заброшенная бывшая казарма, Лынькова, 111Г). 4. Столовая (сейчас складское здание напротив здания лазарета, Лынькова, 111Д). 5. Мастерская (бывший клуб, Лынькова, 111Б). 6. Погребы овощехранилища (сейчас закинутые склады между зданием лазарета и столовой). Под асфальтом современных главных дорог военного городка в Масюковщине находится брусчатка, которую выкладывали узники лагеря Stalag 352». В нижней части плаката приводится хештег #Stalag352 и электронный адрес для связи Stalag352@gmail.com.

Таким образом, примеры указанных объявлений, плакатов и тактических медиа (в формате как телеграм-канала, так и печатных листовок) указывают на то, что они служат маркерами территории и способствуют актуализации представлений о прошлом данной локации в памяти местных жителей, информируя, просвещая и мобилизуя их для отстаивания своей локальной идентичности в рамках нарративов памяти и протеста как неофициальной исторической политики, проводимой силами гражданских активистов независимо от позиции и действий городских властей (администрации Фрунзенского района г. Минска).

2. Стратегии коммуникации: палимпсест и интертекст

После президентских выборов 2020 г. и мобилизации гражданского общества, его активного участия в социально-политических

процессах в Минске и областных центрах происходит солидаризация и сплочение жителей городских микрорайонов, улиц, дворов и даже отдельных домов. Возникают локальные и ситуативные городские сообщества, которые в будущем могут стать альтернативными институтами местного самоуправления и выступить основой гражданского общества в Беларуси. Процесс становления данных сообществ разворачивается через самоорганизацию (формирование сообщества на основе солидарности и взаимной поддержки), идентификацию (отождествление группы с конкретным сегментом городского пространства), номинацию (называние себя через городские топонимы и урбанонимы как в рамках официальной системы обозначений, так и вне ее), символизацию (средствами коммуникативного дизайна городской среды с использованием образов и символов), мобилизацию (для организации регулярных встреч во дворах или проведения акций — «цепей солидарности», митингов, прогулок по району, участия в городских маршах). «Всю власть дворам!» — новый лозунг в борьбе за возможности неформальной и вневедомственной самоорганизации горожан на разных участках городской территории. А новые гербы и флаги районов/микрорайонов и улиц — это яркий атрибут становления стихийного местного самоуправления, гражданской автономии вне территориально-административных рамок сложившейся властной системы (Погодина, 2020).

Параллельно возникает и активно развивается субкультура протеста со своими нормами, ценностями и идеалами, мифами и легендами, героями и кумирами, что позволяет ей претендовать на роль контркультуры как неофициальной, альтернативной традиции и ключевого элемента в политической культуре современного белорусского общества. Базовые принципы и основные идеи данной субкультуры репрезентированы в некотором наборе образов, знаков и символов, которые постоянно воспроизводятся и лишь незначительно видоизменяются. Их генерирование и тиражирование осуществляется через новые медиа (мессенджеры, социальные сети, видеоблоги и телеграм-каналы), а затем ретранслируется средствами маркирования территории (стикеры, плакаты, листовки, флаги) в повседневных взаимодействиях на улицах и во дворах, что позволяет говорить о масштабной медиатизации городской среды в целом. Результатом таких процессов трансформации информационной сферы и обыденной жизни становится активное применение альтернативной топонимики как «стихийного творчества масс» — яркого выражения формы протеста и самоорганизации граждан в практической реализации лозунга «Это наш город!» Так, жители Минска в августе — ноябре 2020 г. неофициально переименовывали свои дворы и улицы в «площади», чтобы подчеркнуть значимость и масштабность движения за перемены, их лавинообразный характер. В результате

такого семиотического вторжения «снизу» в городскую среду происходила реноминация и перекодирование символического пространства города, в результате чего на местах постоянных встреч жителей микрорайонов возникали «Площадь перемен», «Площадь победителей», «Площадь правды» и т. п.

Для репрезентации своих идей и ценностей городская протестная субкультура активно использует возможности коммуникативного дизайна, визуально преобразуя городскую среду, практически полностью трансформируя внешний вид ее несущественных элементов (например, малых архитектурных форм — таких как урны, скамейки, ограждения, лестницы, дорожные знаки и указатели) и частично декорируя более крупные (нанося узоры и изображения на крупногабаритные сооружения, дома, мосты, рекламные щиты и стенды, киоски), отчасти меняя их функции и расставляя новые смысловые акценты. Любое изображение или узор на самых различных объектах городской среды в рамках протестного движения становится своеобразным «месседжем» — посланием, адресованным как своим соратникам («нас много»), так и самой власти и ее сторонникам (Новые муралы и ОМОН-арт, 2020). Особую роль играет расцветка в стиле бело-красно-белого флага как альтернатива государственному варианту официальной символики, а также муралы — настенные рисунки и изображения, которые позволяют визуализировать образы наиболее известных участников протеста как его ключевых персонажей и даже героев, превращая в своеобразные «иконы» движения. В случае, когда нанесение изображения не представляется возможным или возникает намерение добиться большего визуального эффекта, может применяться специальная аппаратура для осуществления световых проекций. Это позволяет превратить стену дома или площадку во дворе в «кинотеатр под открытым небом», транслируя слайды, диафильмы или даже видеоролики в темное время суток. Данные изображения также становятся иконическими, хотя и носят кратковременный характер.

При этом в практике активного использования принципов коммуникативного дизайна для трансформации городской среды могут применяться элементы и ландшафтного дизайна на основе атрибутики протестного движения — например, окрашивание в красно-белый цвет валунов на газонах, деревьев и клумб или даже повреждений асфальта на дороге — чтобы ремонтные службы, закрасивая их, хотя бы попытались устранить недостатки. Такая окраска воспринимается не просто как элемент декора и эстетический вариант украшения окружающего пространства улицы, двора или дома, но и обращение ко всем заинтересованным представителям аудитории, понимающим идеологическую подоплеку противопоставления официальной и альтернативной символики в рамках политического конфликта. Появление бело-красно-белых

элементов в дизайне городской среды сразу посылает всем сигнал о том, что здесь отметились граждане, готовые публично выражать свою позицию через протест против действий власти — пусть и в такой «партизанской» форме, как это проявляется при нанесении надписей на киоски «Табакерка», что расценивается властью как хулиганские действия. При этом городские локации начинают использоваться для выполнения несвойственных им функций — как нагруженное дополнительными коннотациями место, которое локализовано скорее как «экран» или «дисплей», позволяющий репрезентировать общественное мнение и осуществлять мониторинг смены массовых настроений, выявляя мотивы протеста.

В целом можно выделить две основные информационные (текстуальные) стратегии в реализации практик по применению коммуникативного дизайна городской среды и изменению ее смыслового ландшафта. Первой можно считать *палимпсест*: надписи и изображения регулярно закрашиваются работниками ЖЭСа и столь же регулярно обновляются — появляются новые тексты, адресные сообщения и персональные послания, т.е. активно осуществляется межличностная коммуникация, хотя и в одностороннем порядке. Закрашивание и обновление надписей превращается в ежедневный ритуал общения, формат взаимодействия в виде прямой адресации не только конкретно к власти («Уходи!»), но и представителям ЖЭС («Привет ЖЭСу!», «Совість свою тоже закрасишь?» и проч.). Прекрасным образцом юмористической стратегии палимпсеста стал навешенный друг на друга тройной плакат в Новой Боровой, когда попытка снять один плакат приводила к появлению из-под него второго, затем третьего.

При этом палимпсест выступает категорией, во многом пересекающейся по смыслу с концептом «облезлость», который используют авторы сборника «Микроурбанизм», указывая, что «поверхность некоего предмета имеет несколько хронологических слоев, нанесенных один на другой. В случае, если предмет не подновляется регулярно, а находится в некотором забвении и неухоженности, краска начинает неравномерно облезать, в разных местах проступают нижние, более старые слои, которые становятся видимыми и вносят свое слово в общее “звучание” и восприятие предмета» (Желнина, 2014, с. 277). Однако палимпсест, в отличие от облезлости, не обнажает давние поверхности прежних надписей и текстуры, но объединяет в себе все новые и новые слои, перекрывающие друг друга и в то же время приоткрывающие едва видимую и полустертую прежнюю надпись, проступающую на свежеразкрашенной поверхности как послание из прошлого. При этом становится возможно «пересечение, наложение, проглядывание одного через другое. В какой-то момент она создает эффект аккумуляции — что-то вроде усиленного соприсутствия, когда наличие нескольких слоев, угадывающихся ли под облупившейся

краской, проступающих ли как слои воспоминаний, вызывает особый эмоциональный отклик и, соответственно, особое взаимодействие с городом» (Там же, с. 16–17).

В военном городке Масюковщины данный эффект палимпсеста можно увидеть на стене участка гаражей по адресу ул. Лынькова, 99/4 напротив магазина «Виталюр», где к моменту написания данной статьи под слоем белой краски прочитывалась нанесенная кем-то ранее надпись «Солнце мое, взгляни на меня — моя страна превратилась в ГУЛАГ» (аллюзия на песню «Кукушка» В. Цоя). Но наиболее ярким образцом палимпсеста на основе интертекстовых связей стали надписи, нанесенные неизвестными активистами на ограждении (заборе) вдоль автодороги между «старой» частью военного городка и платформой железнодорожной станции «Масюковщина». Здесь из 174 сегментов забора регулярно в течение нескольких месяцев (с августа 2020 г. по февраль 2021 г.) на 83 появлялись надписи как воспроизводящие ставшие традиционными речевые клише и шаблоны («Жыве Беларусь!», «Уходи», «Верым, можам, пераможам!», «Не забудем, не простим!», «Саша 3%»), так и вполне оригинальные («Наша возьме!», «Жыве ТУТ.бай!», «Я выхожу, а ты?» и проч.). Попытки работников ЖЭСа закрасить эти надписи красной или белой краской привели к тому, что возникли многослойные цветные полосы темно-красного цвета, похожие на кровавые следы, а сквозь белые проступали старые надписи и угадывались следы прежних мазков (порой даже чередовались полосы красного и белого цветов, что напоминало расцветку БЧБ флага). Многослойность и насыщенность ярких оттенков полос краски стали напоминать полотна известного художника М. Ротко, работавшего в жанре абстрактного экспрессионизма. Подобная «настенная живопись» и непреднамеренно создавшийся эффект стихийного стрит-арта напоминали монохромные «цветовые поля» картин Ротко, насыщенные болью, тревогами и страхами, воспроизводя аналогичные эмоции и впечатления — ярости и отчаяния, но и надежды, стойкости и мужества, готовности идти до конца, несмотря ни на что.

Другой стиль изображений на том же ограждении был представлен трехцветной гаммой пятен, которые напоминали кляксы — следы попадания шариков для игры в пейнтбол и воспроизводили тональность бело-красно-белого флага, напоминая при этом полотна другого представителя абстрактного экспрессионизма — Дж. Поллока. Однако в отличие от работ американского художника, представляющих собой хаотично, хотя и равномерно распределенный набор цветных пятен, узоров и линий, образовавшихся при разбрызгивании краски на полотно, пятна краски на заборе вполне четко и последовательно воспроизводили цветовой код БЧБ флага, что делало их эстетическое и идеологическое решение более однозначным и предсказуемым, следующим

исходной установке на воспроизводство политической символики. Таким образом, созданные на основе вербальных надписей цветковые пятна и полосы на заборе военного городка Масюковщина неожиданно превратились в многослойный палимпсест в стиле протестного и художественного стрит-арта.

Второй базовой стратегией при изменении коммуникативного ландшафта городской среды протестного Минска является *интертекст*, когда возникают смысловые корреляции и взаимные отсылки от одного текста/изображения к другому (трафаретная надпись «Масюки против Луки», нанесенная на несколько жилых домов, трансформаторных подстанций и ограждений для мусорных контейнеров в Масюковщине; трафаретный рисунок в виде сердца бело-красного цвета с надписью «Жыве Беларусь!», сделанный в военном городке на остановке общественного транспорта и в нескольких местах на тротуарах; цитаты и рисунки Я. Купалы), что создает единую семантическую сеть межтекстовых связей. В рамках данной стратегии происходит пересечение и отсылки между текстами и образами не только в масштабах городка, но и всего Минска (рисунки-портреты Колесниковой, трафареты крысы и проч.). Дальнейшее вирусное распространение и массовое тиражирование имен, образов, слоганов, мемов происходит в рамках интертекстуальности, которая может осуществляться в разных формах, но всегда связана с созданием и распространением текстов по образцу прецедентных, предполагая их смысловую взаимосвязь, формальные отсылки, тематические повторы образов, сюжетов, персонажей и пр. Так выстраивается некая *семиотика* интертекстовых взаимодействий, где можно выделить парадигматическое измерение — схожие жанры и формы коммуникации (муралы, стикеры, плакаты, флаги, граффити и т.п.), в рамках которой происходит самопрезентация участников городской субкультуры протеста, донесение их требований до массовой аудитории (но, увы, далеко не всегда до самой власти), а также синтагматическое — территориальное разделение на отдельные сегменты пространства как участки городской среды, что выстраивает таксономию как новый порядок номинативных единиц в городе, подвергающихся переосмыслению и трансформации в ландшафтном, графическом и концептуальном дизайне как его коммуникативном измерении.

При этом складываются два порядка номинации как своеобразной «таксономической матрицы» — официальный (список территорий Минска, требующих особого внимания со стороны городских властей и контроля администраций районов, утвержденный Мингорисполкомом) и альтернативный (например, карта протестных районов или районных чатов, составленная редакцией TUT.BY). Таксономия как «власть номинации» (П. Бурдые) используется как инструмент упорядочивания («наведения порядка»)

и структурирования материала, обращения хаоса в космос в попытке придать ему тот смысл, который близок и понятен инстанциям власти. Официальный порядок номинации считает, что хаос есть отклонение от нормы и его следует вернуть к образцу-этalonу, подвергнуть принудительной нормализации и стандартизации в соответствии с требованиями жилищного кодекса РБ, правилами эксплуатации жилых помещений и дворовых территорий, где не предусмотрена возможность спонтанного проявления и стихийного «творчества масс», креативных инициатив горожан даже по благоустройству территории, не говоря уже о попытках ее перепланировки, изменения или нестандартного оформления — раскрашивании объектов дворовой и уличной инфраструктуры (скамейки, столы, урны, клумбы, лестницы, качели, трансформаторные подстанции, информационные стенды и др.). Альтернативный таксономический порядок номинации исходит из установки, что горожане сами могут распоряжаться территорией, на которой они проживают и имеют права на владение ею, обустроявая под свои потребности и следуя собственным представлениям о том, как можно «сделать лучше, красивей, проще». Обычно их инициативы не укладываются в стандарты строительной и эксплуатационной практики, выходят за рамки официальных рекомендаций и нормативов, поэтому воспринимаются властью как беспорядок или хаос, который следует нейтрализовать и направить в «правильное русло».

Наиболее ярким примером выпадения локации из сетки таксономических связей становится креативное преобразование жителями минских дворов трансформаторных подстанций, которые в период протестов 2020 г. становились «эпицентром» двора и активности его жителей. Именно трансформаторные будки превращались в уникальный материальный носитель — сооружение, выполняющее функции информационного стенда, одна-две стороны которого обычно представляют собой сплошную стену с однородной поверхностью, без дверей и окон, как будто специально предназначенную для нанесения плакатов, рисунков (муралов) или надписей (граффити). Размер такой стены позволяет не ограничивать себя в масштабе наносимого изображения или фразы/слова — ведь чем больше по размеру оно будет, тем большее внимание сможет привлечь, что и нужно автору. Этому способствует и тот факт, что зачастую такие станции расположены прямо в центре двора, располагаясь рядом с детской площадкой между рядами жилых домов, либо во фронтальной зоне, доминирующей по периметру всей дворовой территории внутри микрорайона или квартала. Иногда таких станций может быть две или три, и все они могут быть оформлены посредством рисунков, узоров или плакатов в едином стиле (как в случае с «Кварталом счастья» в микрорайоне «Каменная горка»), со схожим сюжетом и персонажами,

ключевой идеей-месседжем как «посланием городу и миру» или раскрашены мозаично и фрагментарно, словно кадры из кинохроники или постеры из журналов (как на «Площади Правды» пр. им. Газеты Правда).

Это смысловой и креативный центр двора, но при этом вполне нейтральный участок придомовой территории, которая принадлежит всем жителям и в то же время — никому из них персонально, поскольку является городской собственностью и обслуживается коммунальными службами и сетью «Минскэнерго». Эта удачная позиция «ничьей земли» и становится компромиссным объектом взаимных усилий и сотрудничества всех соседей по двору, оптимально подходящим под росписи в отличие от стен близлежащих домов, жители которых могут выступить против «вандализма», посягающего на их личную территорию и собственность. Подстанция выступает как трансформатор-ретранслятор не только электрической, но и творческой энергии, объединяющей большинство людей во дворе или квартале, и даже становится генератором смыслов и образов, представленных нанесенными на нее рисунками и текстами (хотя в виде шаблонов и трафаретов они также могут считаться лишь ретрансляторами оригинальных идей и сюжетов). Как правило, это выполненные в красно-белой гамме неформальный символ района и герб «Пагоня», портреты лидеров протестного движения и лозунги, ставшие вербальными формулами сопротивления («Жыве Беларусь!», «Верым, можам, пераможам!», «Саша 3%» и т.п.).

Фокусируя внимание на себе как на специальном территориальном маркере, символика объединяет всех жителей квартала, превращаясь в *genius loci* — «гения места», инструмент формирования их коллективной идентичности как представителей локального сообщества, а сама подстанция (стены, на которые наносятся изображения и тексты) становятся своеобразным экраном, на который проецируются страхи и желания, страстное стремление к свободе, надежды и мечты тех, кто ассоциирует себя именно с данным местом в городской среде. Пока власти не начали пресекать подобные инициативы, жители дворов и кварталов собирались малыми или средними группами во дворах, видели поддержку из домов (из окон и с балконов им махали флагами, светили фонариками телефонов, выкрикивали лозунги) и ощущали себя большой и сплоченной группой, где все по-соседски поддерживают друг друга. Такими локальными связями оказался охвачен весь город, когда представители разных мест совершают дружеские визиты из района в район, ходят друг другу в гости, устраивают совместные мероприятия и акции, совершают творческий обмен и реализуют общие проекты, что и могло бы составить основу для формирования местного самоуправления и гражданского общества в современной Беларуси.

Далее можно указать конкретные виды трансформации различных участков городской среды при протестных инициативах в Минске на примере территории военного городка Масюковщина, где концептуальный дизайн пересекается с коммуникативным, а ландшафтный — с графическим. Визуальное наблюдение и мониторинг данного района позволяет выделить условные сегменты городской территории, которые были подвергнуты радикальным преобразованиям со стороны протестующих — например, въезд в городок со стороны железнодорожной станции Масюковщина, где прямо на асфальте была нанесена надпись «Свабодная Масюкоўшчына»; заграждения (забор), отделяющие территорию городка от проезжей части вдоль перрона станции «Масюковщина», и стена гаражей по адресу ул. Лынькова, 99/4 напротив магазина «Виталюр», которые могут претендовать на функциональный аналог «стены плача» в Иерусалиме, но с поправкой на вызывающий тон нанесенных надписей, превращающий эти сооружения скорее в «стены гнева», а не скорби.

Далее киоск «Табакерка» около магазина «Купаловский» был расписан в цвета бело-красно-белого флага, а непосредственно возле входа в сам магазин был выкрашен в серебристый оттенок стенд для объявлений, на котором неизвестные изобразили портрет Я. Купалы и нанесли надпись «Жыве вечна!»; на асфальте у входа написали «Стоп насиліе!», на тротуаре появилась трафаретная надпись «Жыве Беларусь!» в виде сердца в бело-красно-белых тонах, в эти же цвета раскрашен валун у дороги и канализационные люки на проезжей части. Вдоль дороги напротив магазина «Купаловский» на пару дней (3–4 апреля 2021 г.) были вывешены бело-красно-белые флаги. Их достаточно быстро сняли, но зато долго сохранялись трафареты-муралы в виде рисунка мальчика с тремя шариками (белым, красным и белым) на газовой подстанции возле дома по адресу Лынькова, 79 и портреты М. Колесниковой и М. Знака, а также рисунок Эйфелевой башни, снесенной в микрорайоне «Восток» и надпись «Усход, мы разам!» на трансформаторной подстанции возле дома на ул. Лынькова, 111. В преддверии дня рождения Марии Колесниковой на разных участках территории военного городка были нанесены около сорока трафаретных портретов именинницы, где она изображена в знаменитой позе с пальцами рук, сложенными в виде сердца. На подстанции возле дома по Лынькова, 101, к. 1 были сделаны надписи «Забастовка!», «Жыве Беларусь!» и «Хватит убивать наших детей!» (сразу после трагической смерти Р. Бондаренко). Кроме того, были расписаны мусорные контейнеры возле магазина «Хит-экспресс», на которые были нанесены надписи «БТ», «МВД», «ОМОН», а после стирания этих надписей они регулярно возобновлялись.

Кроме того, не представляется возможным указать точное количество листовок, стикеров и плакатов, наклеенных на стенах

жилых домов по всей территории военного городка Масюковщина, некоторые из них были маркированы бело-красно-белыми красками на манер пейнтбольных отметок в виде клякс на стенах. Сами дома, их фасады, окна и балконы также подвергались попыткам переустройства, обновления и оформления в альтернативном стиле — вплоть до вывешивания флагов или одежды на балконах, наклеивания листов бумаги на окнах, раскрашивания дверей подъездов, лестниц, установки новых средств освещения — ламп, гирлянд, лент в БЧБ расцветке, осуществления световых проекций и проч. В итоге фасады домов приобретают новый оттенок — не только колористический, но и идеологический, смысловой, подчеркивая протестные настроения жителей данного дома или подъезда. Так создается коммуникативный/концептуальный (ре) дизайн пространства жилого массива — квартала, двора или микрорайона, а властью такие попытки расцениваются как «одиночное пикетирование» или «нарушение норм эксплуатации зданий и помещений», за что следуют санкции в виде штрафов или даже ареста.

Также на территории заброшенной военной части были расписаны в БЧБ цвета трубы теплотрассы, фонарные столбы и будки трансформаторных подстанций, на одну из которых регулярно наносились трафаретные рисунки в виде портретов С. Тихановской и других лидеров протестного движения, а также плакаты с архивными фотографиями военнопленных, содержащихся в концлагере Stalag 352, расположенном на территории части в годы Второй мировой войны. Это позволяет связать нарратив протеста с памятью о жертвах войны и провести смысловые параллели между героическим прошлым военного периода и нынешней ситуацией в Беларуси. Здесь исторические сюжеты памяти (о прошлом) и протеста (ради будущего) создают свою драматургию, когда память выстраивается на основе воспоминаний о боли утраты (жертвы войны и протеста) и травме (насилия), которые власть старается предать забвению, подавить или вытеснить, но даже в таком полубессознательном состоянии они способны повлиять на формирование коллективной идентичности — как локальных сообществ, местных жителей и активистов, так и всего белорусского этноса.

В связи с этим беларусская исследовательница Н. Бекус отмечает, что образ «народа-победителя» во Второй мировой войне как один из сюжетов официальной идеологии и политики памяти, продвигаемой государством, сейчас приобретает новый смысл. Данный образ не просто показывает масштаб мобилизации общества, но и передает суть происходящих в ходе протестов трансформаций культурных символов и их исторических идей, составляющих коллективную память беларусов. «Это парадоксально, что именно те элементы исторической памяти, которые составляли

основу официальной белорусской идеологии и идентичности, теперь оказались востребованы для мобилизации в борьбе против режима, который эту идеологию насаждал. В то же время те идеи, которые составляли основу альтернативной белорусскости (образ жертв советского режима, например), из-за протестов также приобрели гораздо более широкий резонанс. Оказалось, что общество в процессе этой мобилизации не только вышло на сцену политической жизни, но и включилось в работу над своей идентичностью. И в этом процессе те идеи о белорусской идентичности, которые составляли основу двух конкурирующих проектов и идеологий (официальной и альтернативной), объединяются, видоизменяются и меняют значение» (Бекус, 2020).

Подводя итоги, можно отметить, что анализ практик трансформации городской среды средствами коммуникативного дизайна на территории военного городка Масюковщина, осуществляемых местными жителями в рамках нарративов памяти и протеста, позволяет выявить особенности не только их протестной активности (на основе стратегий палимпсеста и интертекста), но и реализации «политики памяти» при попытке сохранения исторического наследия времен Великой Отечественной войны в общественном пространстве Минска.

Литература

- Бекус, Н. (2020) «Даже стиль вашей одежды показывает, вы субъект или объект выбора». Исследовательница — о том, как мы изменились за 26 лет. [онлайн] Citydog.by. Доступ по: <https://citydog.by/post/belorusy-izmenilis/> [Просмотрено 20 сентября 2021].
- Белокурова, Е., Воробьев, Д. (2010) Общественное участие на локальном уровне в современной России. [онлайн] Неприкосновенный запас. Доступ по: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/obshhestvennoe-uchastie-na-lokalnom-urovne-v-sovremennoj-rossii.html> [Просмотрено 20 сентября 2021].
- Взятышева, В. (2018) «Это молодежь с высоким ощущением опасности»: социолог Е. Омельченко — о том, почему 18-летние доверяют президенту и как изменились современные субкультуры [онлайн] Бумага. Доступ по: https://paperpaper.ru/campus/omelchenko/?utm_source=meduza&utm_medium=partners&utm_campaign=friends [Просмотрено 20 сентября 2021].
- Желнина, А. (2014) «Железо, слюда, апатиты и россыпи судеб людских...» Прошлое и настоящее в заполярном индустриальном городе. В: Микроурбанизм. Город в деталях. Сб. статей под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. Москва: Новое литературное обозрение, с. 256–279.
- Застройка Масюковщины (2021) В: Вестник Масюковщины, № 13, с. 1.
- Застройка Масюковщины: проходной двор (2021) В: Вестник Масюковщины, № 9, с. 1.
- История Масюковщины (2021б) В: Вестник Масюковщины, № 2, с. 1.

- История Масюковщины (2021в) В: Вестник Масюковщины, № 3, с. 1.
- История Масюковщины (2021д) В: Вестник Масюковщины, № 13, с. 1.
- История Масюковщины (2021а) В: Вестник Масюковщины, № 1, с. 1.
- Людей до сих пор продолжают пытаться (2021) В: Вестник Масюковщины, № 23, с. 1.
- Новые муралы и ОМОН-арт. Как минские дворы превращаются в галерею протестного искусства (2020) [онлайн] Onliner.by. Доступ по: <https://realt.onliner.by/2020/09/15/minskie-dvory-galereya-protestnogo-iskusstva> [Просмотрено 20 сентября 2021].
- Погодина, Л. (2020) В Минске появились десятки «протестных дворов». Там по-соседски протестуют против Лукашенко, устраивают концерты и борются с силовиками. Вот как это выглядит [онлайн] Meduza. Доступ по: <https://meduza.io/feature/2020/09/27/v-minske-poyavilis-desyatki-protestnyh-dvorov-tam-po-sosedski-protestuyut-protiv-lukashenko-ustraiwayut-kontserty-i-boryutsya-s-silovikami> [Просмотрено 20 сентября 2021].
- Трасса у нас под окнами (2021а) В: Вестник Масюковщины, № 6, с. 1.
- Трасса у нас под окнами (2021б) В: Вестник Масюковщины, № 20, с. 1.
- Ярская-Смирнова, Е. Р., и Романов, П. В. (2013) Публичная сфера: теория, методология, кейс стади. Москва: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 360 с.

References

- Bekus, N. (2020) «Dazhe stil' vashey odezhdy pokazyvayet, vy sub'yekt ili ob'yekt vybora». Issledovatel'nitsa – o tom, kak my izmenilis' za 26 let. [«Even the style of your clothes shows you are the subject or the object of choice». Researcher – How we have changed in 26 years]. [online] Citydog.by. Available from: <https://citydog.by/post/belorusy-izmenilis/> [Accessed 20 September 2021].
- Belokurova, Y., Vorob'yev, D. (2010) Obshchestvennoye uchastiye na lokal'nom urovne v sovremennoy Rossii. [Public participation at the local level in modern Russia]. [online] Neprikosnovennyuy zapas. Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/obshhestvennoe-uchastie-na-lokalnom-urovne-v-sovremennoj-rossii.html> [Accessed 20 September 2021].
- Istoriya Masyukovshchiny (2021a) [History of Masyukovshchina]. V: Vestnik Masyukovshchiny, № 1, p. 1.
- Istoriya Masyukovshchiny (2021a) [History of Masyukovshchina]. V: Vestnik Masyukovshchiny, № 3, p. 1.
- Istoriya Masyukovshchiny (2021a) [History of Masyukovshchina]. V: Vestnik Masyukovshchiny, № 9, p. 1.
- Istoriya Masyukovshchiny (2021a) [History of Masyukovshchina]. V: Vestnik Masyukovshchiny, № 13, p. 1.
- Istoriya Masyukovshchiny (2021b) [History of Masyukovshchina]. V: Vestnik Masyukovshchiny, № 2, p. 1.
- Lyudey do sikh por prodolzhayut pytat' (2021) [People still continue to be tortured]. V: Vestnik Masyukovshchiny, № 23, p. 1.
- Novyye muraly i OMON-art. Kak minskiye dvory prevrashchayutsya v galereyu protestnogo iskusstva (2020) [New murals and riot police. How Minsk

- courtyards are turning into a gallery of protest art]. [online] *Onliner.by* Available from: <https://realt.onliner.by/2020/09/15/minskie-dvory-galereya-protestnogo-iskusstva> [Accessed 20 September 2021].
- Pogodina, L. (2020) V Minske poyavilis' desyatki «protestnykh dvorov». Tam po-sosedski protestuyut protiv Lukashenko, ustraivayut kontserty i boryutsya s silovikami. Vot kak eto vyglyadit [online] *Meduza*. Available from: <https://meduza.io/feature/2020/09/27/v-minske-poyavilis-desyatki-protestnykh-dvorov-tam-po-sosedski-protestuyut-protiv-lukashenko-ustraivayut-kontserty-i-boryutsya-s-silovikami> [Accessed 20 September 2021].
- Trassa u nas pod oknami (2021a) [The track is under our windows]. In: *Vestnik Masyukovshchiny*, № 6, p. 1.
- Trassa u nas pod oknami (2021b) [The track is under our windows]. In: *Vestnik Masyukovshchiny*, № 20, p. 1.
- Vzyatyshcheva, V. (2018) «Eto molodezh' s vysokim oshchushcheniyem opasnosti»: sotsiolog Ye. Omel'chenko — o tom, pochemu 18-letniye doveryayut prezidentu i kak izmenilis' sovremennyye subkul'tury [«These are young people with a high sense of danger»: sociologist E. Omelchenko — about why 18-year-olds trust the president and how modern subcultures have changed]. [online] *Bumaga* Available from: <https://citydog.by/post/belorusy-izmenilis/> [Accessed 20 September 2021].
- Yarskaya-Smirnova, E., and Romanov, P., eds. (2013) *Publichnaia sfera: teoriia, metodologiya, keis stadi*. [Public sphere: theory, methodology, case study]. Moscow: OOO «Variant»: TsSPGI, 360 p.
- Zastroyka Masyukovshchiny (2021) [Buildings in Masyukovshchina] V: *Vestnik Masyukovshchiny*, № 13, p. 1.
- Zastroyka Masyukovshchiny: prokhodnoy dvor (2021) [Buildings in Masyukovshchina: entrance courtyard] V: *Vestnik Masyukovshchiny*, № 9, p. 1.
- Zhel'nina, A. (2014) «Zhelezo, slyuda, apatity i rossypi sudeb lyudskikh...» Proshloye i nastoyashcheye v zapolyarnom industrial'nom gorode. [«Iron, mica, apatite and placers of human destinies ...» Past and present in a polar industrial city]. In: O. Brednikova and O. Zaporozhets, red. *Mikrourbanizm. Gorod v detaliakh*. [Microurbanism. City in Detail]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 316–345.